

История олимпийского гимна: поэт и его композитор*

Фолькер Клюге

АННОТАЦИЯ

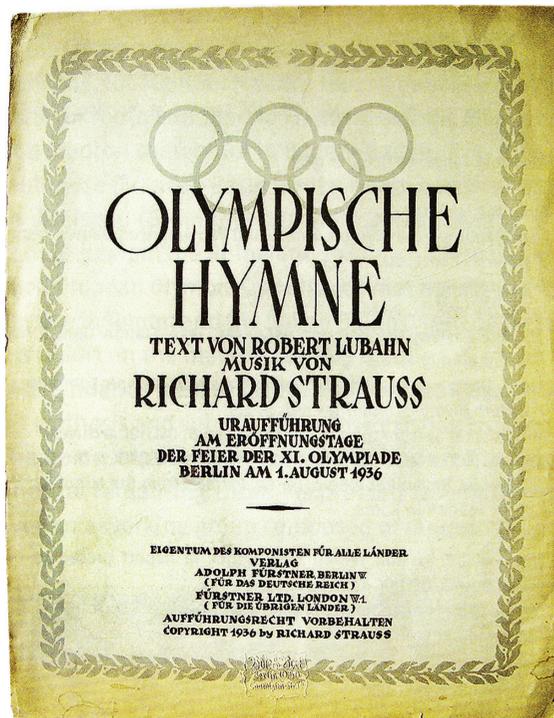
История создания олимпийского гимна к Играм XI Олимпиады берлинским актером и почитателем поэзии Робертом Любаном.

Ключевые слова: МОК, олимпийский гимн, Игры XI Олимпиады.

ABSTRACT

History of the Olympic anthem creation by Robert Lubahn, actor and poetry admirer from Berlin, for the XI Olympic Games.

Key words: IOC, Olympic anthem, XI Olympic Games.

Олимпийский гимн Рихарда Штрауса был признан МОК официальным в 1936 г. Так как Организационный комитет Игр XI Олимпиады не был в состоянии выплатить Штраусу 10 тысяч марок по его требованию, было принято решение опубликовать партитуру в большом количестве и продать по цене в одну марку за штуку. Прибыль получил композитор, а поэт остался без вознаграждения

Фото: Дойче литератур архив Марбах, архив Фолькера Клюге

Было задумано создать олимпийский гимн к Играм I Олимпиады. Композитор Спирос Самарас, друг президента МОК Деметриуса Викеласа, впервые представил свои наработки в конце января 1896 г. на вечернем мероприятии литературного общества Парнас в Афинах.

В день открытия кантата в исполнении сводных военных оркестров и 200-голосого хора вызвала такую волну патриотического неистовства, что сам король Греции попросил сыграть на бис. В «Официальном отчете» Игр композиция была описана как музыка, дающая «потрясающее ощущение» [1].

Тем не менее три с половиной десятилетия спустя об опусе Самараса совсем забыли. МОК попросил графа Клэри организовать конкурс на создание олимпийского гимна [2]. Конкурс

*Перепечатано из: Journal of Olympic History. – 2015. – N 2. – P. 12–21.

музыкальных произведений для оркестра прошел после августа 1928 г. Олимпийские медали соблзнительно сверкали в качестве призов: золотая за первое место, серебряная за второе и бронзовая за третье. За право исполнения победителя ждала награда в 500 долларов [3].

Приглашение давало возможность всем национальным олимпийским комитетам выбрать лучший гимн на национальном уровне и отправить его на Американский фестиваль искусств до 1 мая 1932 г. Затем жюри, в которое должны были войти представители МОК и США, определяло победителя. Фактически призовое жюри состояло только из американцев. Их земляку пианисту Вальтеру Брэдли Киллеру [4] была присуждена первая премия [5].

Произведение Брэдли Киллера, написанное в стиле англо-американского церковного гимна, было исполнено 30 июля 1932 г. на церемонии

открытия Игр X Олимпиады, когда олимпийский флаг был поднят на вершину флагштока. Для этого организационный комитет собрал оркестр из 300 музыкантов; олимпийский хор – 1200 женщин и мужчин – спел композицию, сочиненную Луи Ф. Бенсоном. Текст, который призывал спортсменов больше не бояться руки тирана и сохранять веру в свободу, был напечатан в программе, и многие зрители с удовольствием подпевали [6].

Гимн обрел популярность, поэтому поэт Альфред фон Кессель перевел его на немецкий [7]. Перевод был, вероятно, предназначен для сессии МОК в Вене, но когда она была открыта 7 июня 1933 г. в помещении Академии наук, хор исполнил не текст Кесселя, а его пересмотренный вариант, который был на один куплет короче. Дирижировал оркестром американский композитор д-р Пол Керби.

Керби нивелировал «гимн против тирании» до безвредной «песни радушия и дружбы», в которой музыкальный исследователь из Кёльна Элизабет Леки Шлюссель заподозрила манипуляции, приведшие к компрометации художественной ценности творения Брэдли Киллера. Ее подозрения возросли после оценки гимна Карлом Диемом. В Лос-Анджелесе он похвалил произведение, назвав его «великолепным», но год спустя, в качестве генерального секретаря Организационного комитета по проведению Олимпийских игр 1936 г. в Берлине, пренебрежительно писал, что хотел бы обратить внимание Фонда Шиллера на автора текста после выступления на сессии в Вене [9].

И в самом деле, было странно, что в последний день сессии МОК официально признал композицию Брэдли Киллера, но в то же время согласился на предложение графа Клэри и немецкого члена исполнительного комитета МОК Теодора Левальда организовать новый конкурс, не отказываясь от гимна 1932 г. [10]. Это побудило некоторых авторов считать, что такое решение было следствием изменения баланса власти в Германии, хотя они упустили из вида тот факт, что национал-социалисты считали себя «борцами за свободу» [11].

Кроме того, рассуждения Левальда о том, что «Германия во всем мире была признана подлинной родиной музыки», не были лишены оснований. К концу 1932 г. — до «захвата Гитлером власти» — Левальд обратился к композитору Рихарду Штраусу по поводу гимна [12]. Штраус охотно согласился, заявив, что готов сделать это в начале 1933 г. при условии, что ему будет предоставлен подходящий текст, после чего Левальд пригласил к сотрудничеству поэта Герхарта Гауптмана. Левальд был готов объявить о согласии Гауптмана в момент создания Организационного комитета Игр под его руководством [13].

НЕИЗВЕСТНЫЙ БЕЗРАБОТНЫЙ АКТЕР ПОЛУЧАЕТ ПРИЗ

Однако Гауптман бездействовал, поэтому осенью 1933 г. Левальд обратился за поддержкой к Немецкой академии поэзии. К тому времени национал-социалисты взяли власть в Германии в свои руки [14]. С 28 октября 1933 г. Академия поручила автору баллад писателю Бёррису фон Мюнхгаузену пригласить к участию в закрытом конкурсе авторов, лояльных к существующему режиму. Однако лишь семь поэтов предоставили девять стихотворных опусов. В марте 1934 г., по договоренности с Левальдом, первый

приз и денежное вознаграждение в размере 700 марок были присуждены «прекрасному стихотворению о Зигфриде» [15], автором которого был Вильгельм фон Шольц [16].

Мюнхгаузен считал, что его идея раскручивания бренда первого немецкого спортсмена на имени популярного героя Зигфрида, известного за рубежом по опере Рихарда Вагнера, была «вдохновляющей». Ему также казалось целесообразным противопоставить «слишком преувеличенным мифам греческой античности столь же ценные немецкие саги» и «не позволить отодвинуть Германию на второстепенную роль, жонглируя такими словами, как Олимпия, Олимпиады, стадион и т. д.».

Левальд однако воспринимал «песню о Зигфриде» слишком немецкой, и по этой причине был организован второй конкурс с призом в 1000 марок, на этот раз открытый для всех желающих [17].

На жюри обрушилась лавина предложений. К окончательной дате приема заявок, 30 июня 1934 г., Мюнхгаузен, призванный быть единственным судьей, столкнулся с горой опусов, насчитывающей около 3000 стихотворений, явление, которое он охарактеризовал как «наиболее трудный этап работы, и, в связи с плохим качеством большинства записей, просто мучительный» [18]. После повторного прочтения он уменьшил количество стихотворений до 118, которое затем сократилось до 50. Наконец, их осталось четыре. Окончательный выбор должен был сделать Штраус. Композитор остановился на песне с тремя куплетами, написанной Робертом Любаном, безработным берлинским актером и почитателем поэзии.

21 сентября 1934 г. Левальд пышно отметил свое 31-летие. Привилегия первыми опубликовать победившее стихотворение была зарезервирована за «*Olympic Press Service*» [19], затем текст был передан в рас-

поряжение всех остальных газет [20]. По желанию государственного секретаря он был вскоре переведен так, чтобы его можно было спеть за рубежом [21].

Эта песня затмила стихи фон Шольца, прославлявшие германских героев. Первый

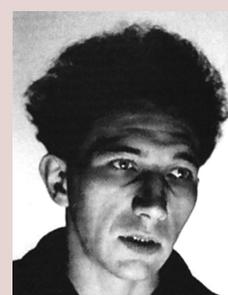
Olympic Hymn

By Robert Lubahn

*Nations! Be the Nation's guest.
Come in through the open gates!
Glory to the nation's feast!
Peace shall be its fight-device.
Young strength wants to prove its courage,
Ardent game Olympia!
Wants to praise your glare in actions,
Purest goal: Olympia!*

*Pride and prime of many countries
Joined the festive competition;
All the ardour there on glowing
Is uniting highly and freely.
Strength and mind approaching timidly,
Road to sacrifice Olympia!
Who is now to wear your laurels,
Glorious chord: Olympia?*

*Since all our hearts are beating
In a raising union,
Should in actions and in speeches
Right of power be sublime.
Joyful be the champion's victory,
Victory feast Olympia!
Gladness be yet in succumbing,
Feast of peace: Olympia! [22]*

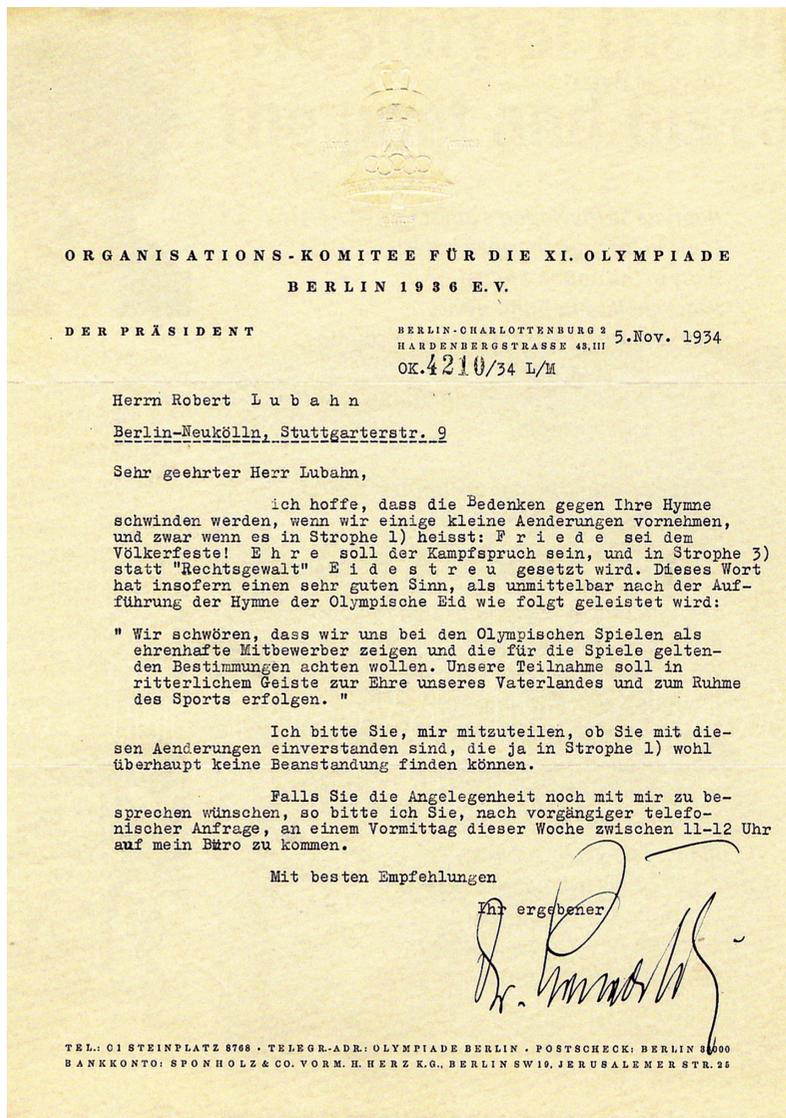

Перевод оригинального текста берлинского поэта и декламатора Роберта Любана (1903–1974)
Внизу: титульная страница олимпийского гимна 1896 г. Спироса Самараса и Костиса Паламаса

куплет приветствовал гостей, подчеркивая мирный характер Игр. Любан не только чествовал победителей, но в третьем куплете отдавал должное проигравшим: «Gladness be yet in succumbing». Мюнхгаузен пошел еще дальше, сравнивая строки, которыми заканчивался каждый куплет стихотворения (восклицание радости «Olympia!»), со стихотворением Фридриха Шиллера «Ода к радости» [23]. В статье он писал:

Последний куплет, наконец, поднимает моральное содержание в первоначально несколько абстрактном и нечувственном звучании слов «право силы» — «Right of Power» («Rechtsgewalt»), которое стоит превыше всего. Поэт здесь охватывает понятие «fair play», рыцарства борьбы и безусловной справедливости приговора в одном немецком слове, которое, при погружении в него, кажется необычайно успешным. «Right of Power», что означает наивысшую полноту силы, которая всегда является следствием

Этим письмом поэт Роберта Любана проинформировали о «небольших изменениях», предложенных министром пропаганды Йозефом Геббельсом. В действительности президент Оргкомитета Берлинских Игр 1936 г. просил согласия автора, но возможность его вероятного отказа не рассматривалась
 Фото: Дойче литератур-архив Марбах

самой высокой справедливости, лежит в основе всех государств, всех культур и всех цивилизаций и, следовательно, в основе всего соревновательного спорта — вот что значит это «Right of Power» [24].

ПРАВОСУДИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ БЫЛО ЗАМЕНЕНО НА КЛЯТВУ ВЕРНОСТИ

После публикации стихотворения Любан поблагодарил Левальда, который по-отечески доверительно сообщил ему о большой «проблеме», так как «Ричард Штраус требует исключительных размеров гонорар, который ни при каких обстоятельствах не может быть

ему выплачен» [25]. Создалась любопытная ситуация, так как незадолго до этого композитор, который требовал 10 тысяч марок, в то же время категорически выступал против проведения зимних Олимпийских игр в его родном Гармише. Он писал в местный совет:

Исходя из предположения, что новый налог на граждан должен пойти на покрытие расходов по спортивным махинациям и абсолютно ненужную олимпийскую пропаганду, я возражаю против этого, так как я не собираюсь использовать какие-либо спортивные сооружения, бобслейные трассы, трамплины для прыжков на лыжах и т.д., а также буду рад обойтись без триумфаль-

ных арок на вокзале, поэтому обращаюсь к вам с просьбой освободить меня от этого налога и наложить его на тех, кто имеет интерес к Олимпиадам и тому подобной ерунде. Мой кошелек и так достаточно обременен государственными налогами для поддержки бездельников — так называемой социальной помощью — и распространенностью в Гармише попрошайничества [26].

Даже позже, когда гимн был почти закончен, у Штрауса осталось пренебрежительное отношение к своей работе. Он писал еврейскому писателю Стефану Цвейгу, который эмигрировал в Лондон, чтобы спастись от австрийского фашизма, и который отправил ему либретто оперы «Молчаливая женщина», которое Штраус только что закончил: «Чтобы рассеять скуку рождественского поста я развлекался сочинением олимпийского гимна для этих пролетариев, я, который считается откровенным противником и недоброжелателем спорта. Да, праздный мозг — это мастерская дьявола» [27]. Слова, которые составляют заметный контраст с теми, которые прозвучали в письме к Левальду накануне:

Я смиренно объявляю, что олимпийский гимн завершен. Я уже обратился с просьбой к государственному секретарю Функу испросить разрешение рейхсканцлера сыграть ему гимн, прежде чем я передам свое творение комитету, ибо, прежде всего, гимн должен получить одобрение фюрера, который является вождем и покровителем Олимпиады. Если гимн получит одобрение Гитлера, я полагаю, что, в первую очередь, напишу партитуру для оркестра и хора, и мы могли бы исполнить его для всего состава комитета, допустим, в феврале в Мюнхене [28].

Вскоре Левальду пришлось обратиться к автору текста «с конфиденциальной просьбой о переработке», так как у влиятельных кругов возникли опасения и возражения против использования вашего выигравшего первый приз гимна в качестве официального гимна для Олимпийских игр, и что следует рассмотреть и другие гимны, чтобы определить, есть ли среди них тот, который в большей степени соответствует духу Третьего рейха [29].

Мюнхгаузен проявил молодухие и, поддавшись уговорам, пошел по пути, указанному выше.

Но теперь рейхшпортфюрером (спортивным руководителем Рейха. — Ред.), представителями Министерства пропаганды и Министерства внутренних дел было объяснено, что стихотворение Любана слишком мало соот-

ветствует духу Третьего рейха, чтобы быть выбранным. Особенно слово «Rechtsgewalt» – немецкий вариант английского «fair play», было объявлено неприемлемым [30].

Опираясь на письмо Левальда, Любан обратился к Мюнхгаузену, который фактически считал свою миссию завершённой. Будучи покровителем самоучки, который боролся за свое существование, он согласился ознакомиться с некоторыми из его неопубликованных рукописей [31]. По просьбе автора, он дал им небольшие комментарии и выразил мнение, что: «В настоящий момент, по крайней мере, ваша песня, посвященная Олимпиаде, безусловно, является лучшим из того, что вы написали, и, возможно, останется единственным великим стихотворением вашей жизни». Кроме того, он посоветовал:

Не позволяйте вить из себя веревки, при способлять к каждому мнению, высказанному о стихотворении, любое изменение делает его хуже! Именно так происходит с каждым молодым неизвестным автором в такой ситуации, когда каждый доброжелатель дает совет: «Это слово мне просто не нравится»; «Только это выражение»; «Все ничего, но эту рифму вы должны заменить». И тогда вы будете изменять и изменять до тех пор, пока замечательное произведение не будет испорчено окончательно. У вас есть тысяча марок, стихотворение будет напечатано, – все остальное не имеет значения, даже если Штраус положит его на музыку. Как вы думаете, на открытом воздухе (олимпийского стадиона, автор) в этом шуме хоть одно слово будет слышно?» [32].

После совета «принца поэтов» Любан решил бороться до конца, но Левальд предложил ему пойти на компромисс:

Я надеюсь, что опасения в отношении вашего гимна исчезнут, если мы сделаем несколько небольших изменений, а именно, в куплете 1) текст содержит: Friede sei dem Volkerfeste! Ehre soil der Kampfspruch sein (Peace be to the festival of nations! Let honour be the battle – cry) и в куплете 3) вместо «Right of Power» использовать Eidestreu (faithfulness to our eath). Эти слова имеют логическое продолжение, ведь сразу же после исполнения гимна приносится олимпийская клятва... [33].

За этой просьбой стоял Йозеф Геббельс лично, как позже признался Дием. «Министр пропаганды, вероятно, искал повод вмешаться в дела Олимпиады, и он выбрал в ка-

честве возражения то, что пришлось ему не по вкусу» [34]. В соответствии с нацистским кредо, слово «honour» (честь) имело более высокий статус, чем слово «rease» (мир). Только через три недели после Олимпийских игр прошел ежегодный марш коричневых и черных колонн в Нюрнберге под девизом «День чести Рейха». И, что касается «right of power», это понятие давно нашло место среди запрещенных слов. Это выражение было заменено присягой верности фюреру. И не случайно лозунг, появившийся в 1932 г. на пряхках эсесовцев, гласил «Meine Ehre heißt Treue» (рус.: Моя честь – это верность).

В «Official Report» нет упоминаний об этом. Из него мы можем только почерпнуть, что Любан согласился на «пустячные изменения» [35]. Верным было обратное: измененный текст никогда не был разрешен автором [36]. Доказательства, среди которых существует сравнение версий, одну из которых он описал как «фальсифицированную» [37], можно найти в его наследии.

В начале декабря 1934 г. Левальд пригласил его на встречу, которая, согласно воспоминаниям Любана, состоялась при следующих обстоятельствах: «Левальд, удобно устроившись у телефона и потягивая кофе, заявил Любану, что он должен принять вещи такими, какими они есть» [38].

В тот день Любан, очевидно, был готов к компромиссу, который Левальд не понимал или не хотел понимать. Как бы там ни было, он сообщил Штраусу, что автор дал согласие на текстуальные изменения и даже дал композитору право заменять слова на более соответствующие музыке. Когда Любан увидел эти «игры» с текстом, он написал Левальду:

Вы помните, конечно, Ваше Превосходительство, тот день, когда в разговоре с Вами я, наконец, решился предложить принять такой вариант обсуждаемого текста гимна, который бы мог удовлетворить все заинтересованные стороны. Я сделал это из личного к Вам уважения, так как в то время Вы оказались в трудном положении в отношении редакции гимна. То, что я никогда бы не разрешил заменить на то, что было предложено, или любой другой вариант гимна, я

не оставляю Вам абсолютно никаких сомнений... [39].

ШТРАУС ПОСВЯТИЛ ГИТЛЕРУ НЕАВТОРИЗИРОВАННЫЙ ГИМН

К тому времени Штраус понял политическую значимость Олимпийских игр и даже смирился с проведением зимних Игр в Гармиш-Партенкирхене, для посещения которых он хотел, чтобы зарезервировали ложу для него самого и его семьи [40]. Однако ни ложи, ни бесплатных билетов ему не полагалось, о чем президент Организационного комитета Карл Риттер фон Хальт сообщил Левальду [41]. По его настоятельной просьбе фон Хальт дал лишь разрешение на специальную аккредитацию, фактически предназначенную только для должностных лиц [42].

После завершения своей композиции Штраус посчитал получение вердикта Гитлера очень важным, но некоторое время ушло на то, чтобы был найден подходящий момент для записи на прием. Когда Штраус в конце марта 1935 г. в Берлинской государственной опере провел несколько концертов оркестра под управлением приглашенных дирижеров, он, наконец, получил приглашение из рейхсканцелярии на 29 марта; в ее протоколах впоследствии было отмечено:

В 1935 г. Рихард Штраус на какое-то время попал в немилость к министру пропаганды Йозефу Геббельсу, но три года спустя, когда эта фотография появилась во время «Дней музыки Рейха» в Тонхалле Дюссельдорфа, хорошие отношения были восстановлены. Композитор впоследствии был расстроен критикой его поведения и после войны обосновался в Швейцарии, где и умер в 1949 г.

«Олимпийский фестиваль мира!» — в то время, когда поэт Роберт Любан спасался бегством в Швейцарию, композитор Рихард Штраус настоял на том, чтобы дирижировать олимпийским гимном на церемонии открытия Игр. Гигантский хор, весь одетый в белое, начал его исполнение в тот самый момент, когда факелоносец, последний в цепочке факельной эстафеты из Олимпиады в Берлин, появился на стадионе
Фото: Архив Фолькера Клюге

«выступление состоялась в покоях фюрера. Гимн был принят» [43]. Общественности стало известно, что берлинский «героический тенор» Франц Фёлькер исполнил композицию для Гитлера, Геринга, Функа и Левальда под аккомпанемент Штрауса на фортепиано. Посвящение оригинальной партитуры композитором своему фюреру было сделано собственноручно [44].

Едва Гитлер дал свое благословение все еще «неавторизованному» гимну, начались торги. Прежде всего было необходимо успокоить упрямого поэта. Левальд пригласил его на заседание Оргкомитета 5 апреля, на котором сообщил ему радостную весть о том, что фюрер утвердил гимн и его презентация прошла замечательно. С этого момента все остальное пошло быстро. Левальд объяснил Любану, что ему необходимо подписать заявление, чтобы передать авторские права Организационному комитету.

«Со словами: “Ваше Превосходительство, я подписываю это соглашение в знак полного доверия к Вам!” я поставил свое имя под документом, который лежал передо мной», — вспоминал позже Любан с глубоким сожалением о том моменте, так как в это время вошел некий доктор Штрайхер. «Я до сих пор помню то любопытное обстоятельство, что мне пришлось прервать на мгновение написание своей фамилии, чтобы приветствовать его, а затем вернуться к документу и добавить недостающие буквы моего имени» [45]. Любан робко обратился с просьбой не передавать авторские права

третьим лицам, на что доктор Штрайхер отреагировал замечанием, что после роспуска олимпийского Организационного комитета эти права будут автоматически возвращены автору. Весь эпизод длился минут семь [46].

Шесть недель спустя Дием отправил Любану контракт. Тот не мог поверить своими глазами, когда в «соглашении» прочитал, что в тот апрельский день передал «эксклюзивные права на использование и распространение «олимпийского гимна», сочиненного им, Оргкомитету». И не только это: в то же самое время он обязался предоставить полномочия комитету передать авторское право и право пользователя «на все времена» Штраусу, а после его смерти — его наследникам [47]. Любан, полный негодования, но по пунктам отклонил эти требования [48].

Левальд тщетно пытался успокоить поэта сообщением от Штрауса-младшего, в котором в случае договора «он будет следовать процедуре музыкального издателя Фюрстнера, которая не была санкционирована его отцом» [49], чтобы быть уверенным, что ничего не изменилось в содержании договора. Так как Штраус считал гимн своей частной собственностью, он последовал обычной практике и передал его в маркетинговых целях известному музыкальному издательству Адольфа Фюрстнера. Его владелец Отто Фюрстнер, сын еврейского основателя фирмы, эмигрировал в том году в Лондон, где в новом бизнесе эксплуатировал все издательские права, которые привез с собой в Англию

[50]. Лицензии, оставшиеся в Германии, он сдал в аренду давно сотрудничающему с ним адвокату Йоханнесу Эртелю.

Любан даже не принял во внимание тот аргумент Левальда, что композитор отказался от гонорара, считая гимн «своим вкладом в Олимпийские игры» [51].

Жертва, представленная как щедрый жест, была правдой только наполовину, так как Левальд уже задолго до этого предложил Штраусу продать факсимиле гимна в качестве компенсации. «Я полагаю, что по цене в одну рейхсмарку многие тысячи экземпляров могут быть проданы на стадионе, а впоследствии — во все гимнастические и спортивные клубы, которых насчитывается несколько десятков тысяч, если распоряжение приобрести гимн поступит от рейхшпортфюрера» [52]. Принятое решение было согласовано со Штраусом. Партитура была напечатана большим тиражом и продана со штампом на титульном листе «собственность композитора для всех стран» [53].

Положение, казалось, было безвыходным. С одной стороны, немецкий закон был на стороне Левальда. Это позволяло композитору с новой силой посягать на авторское право автора текста. «Таким образом, композитор может использовать текст для его композиции без разрешения поэта и без его согласия исполнять его под свою музыку», — сообщил Любану адвокат Левальда [54]. С другой стороны, были сомнения в том, что договор будет рассматривать как «грубое нарушение правил хорошего тона» [55].

К тому же Штраус, который уже угрожал напечатать музыку без слов, был склонен избегать правовых споров, которые бы нанесли ущерб его репутации, после того как гестапо в начале лета 1935 г. перехватило его письмо Стефану Цвейгу, в котором он высказывался пренебрежительно о Музыкальной палате Рейха (с 1933 г. Штраус был ее президентом) [56]. Когда Геббельс узнал об этом, он вынудил Штрауса, который был озабочен судьбой своей еврейской невестки Алисы [57] и двух любимых внуков, уйти в отставку со своего поста. Это решение не умаляло его международного признания.

В предпоследний день зимних Олимпийских игр, 15 февраля 1936 г., Штраус пригласил членов исполнительного комитета МОК на чай на свою виллу в Гармише, где певец Юлий Пацак спел олимпийский гимн под аккомпанемент на рояле самого Штрауса. Дием записал в своем дневнике:

Это действительно великолепное произведение, члены МОК были весьма польщены, а мы были в восторге. Не каждый день случается, что один из величайших музыкантов своего времени пишет олимпийский гимн и исполняет его исполнительному комитету [58].

Когда гимн был исполнен 19 июня 1936 г. для Геббельса, а также в Берлинской филармонии с участием хора Киттеля, даже министр пропаганды остался доволен. В своем дневнике он отметил: «Репетиция олимпийского гимна Р. Штрауса в филармонии. Это действительно замечательно. Парень, безусловно, может сочинять» [59]. Конечно, Гитлер проигнорировал желание уже уволенного президента Музыкальной палаты Рейха получить аудиенцию – его письмо с просьбой осталось без ответа. Но, в конце концов, Гитлер отступил от своего намерения назначить вместо Штрауса его преемника Петра Раабе как дирижера [60].

За четыре недели до Олимпийских игр все было готово, не хватало только подписи автора текста, поставив которую, он должен был ограничить себя в правах. Дием потребовал от него подписать новый, более короткий (хотя по содержанию такой же) вариант соглашения. Любан, чья экономическая ситуация ухудшилась еще из-за болезни матери, стоял на своем; кроме того, он выразил свою обиду Диему, который в Книге Олимпиады назвал его «Эриком» [61].

Теперь Левальд обратился к старому проверенному другу, адвокату Генриху

Ф. Альберту. В 1904 г., когда Левальд был государственным комиссаром на Всемирной выставке в Сент-Луисе, Альберт был его аташе. Но на этот раз Альберт тоже зашел в тупик [62]. Левальд опасался, что после шести месяцев молчания спор может закончиться в суде, вот почему адвокат написал не менее трех писем Любану между 1-м и 16-м июля 1936 г. Они представляли собой ультиматум, который Любан должен был подписать в течение трех недель [63].

Ответ Любана датирован 20 июля, а место отправления – «Swiss journey». Докладывавшего того, что он был запуган, там не было, скорее обратное: если Левальд действительно утверждает, как пишет Любан, что он никогда не делал никаких оговорок по издательским правам, он должен, к сожалению, констатировать, «что тот сознательно сказал неправду» [64]. Два дня спустя он потребовал, чтобы Левальд «немедленно» отправил ему оригинал «декларации» от 5 апреля 1935 г.

В дразги оказался вовлеченным и его бывший наставник. Мюнхаузен сравнивал Любана с Майклом Колхаасом, литературным героем из повести Генриха фон Клейста, который воевал против несправедливости под девизом «Fiat iustitia, et pereat mundus» («Да будет справедливость, хотя погибнет мир») и был приговорен к смертной казни аристократией «за нарушение общественного порядка». Барон не угрожал таким наказанием, но: «Вы же понимаете, что, вероятнее всего, Вам грозит тюрьма за столь серьезную клевету на должностное лицо, если в данный момент бесконечно добрый и очаровательный Левальд, будучи в должности Его Превосходительства статс-секретаря, передаст Ваши последние письма в суд?» [65].

Но оказать давление на Любана было достаточно трудно. Он поселился в Швейцарии задолго до того, как 1 августа 1936 г. ровно в 17.16 на берлинском олимпийском

стадионе огромный хор, одетый в белое, под руководством дирижера Штрауса исполнил его гимн. В момент появления факелоносца стадион разразился все нарастающими криками «Friedensfest Olympia!» (Праздник мира: Олимпия!). Отсутствие автора там означало, что он остался в неведении о любопытном факте: в «Daily Programme» в день открытия должен был находиться оригинальный текст его стихотворения, в то время как там была размещена партитура музыки с фальсифицированной версией [66].

Хотя на своей сессии МОК и признал гимн – композицию, которую нельзя отнести к конкретной эпохе, современные музыкальные критики считают его одной из самых слабых работ Штрауса [67]. «Гигантские перепады мелодии этого произведения противоречат характеру гимна... Штраус не достигает ни певучести, ни запоминаемости», – написал Альбрехт Дюмлинг, считавший, что композитор создал музыку, которая не очень подходит для вокала. «Очевидно, что в этом случае менее известный автор

Olympische Hymne
Musik: Richard Strauss. Text: Robert Lubahn.
Dirigent: der Komponist.
Gespielt vom Olympischen Sinfonie-Orchester, gesungen von den Chören des Reichverbandes der gemischten Chöre Deutschlands.

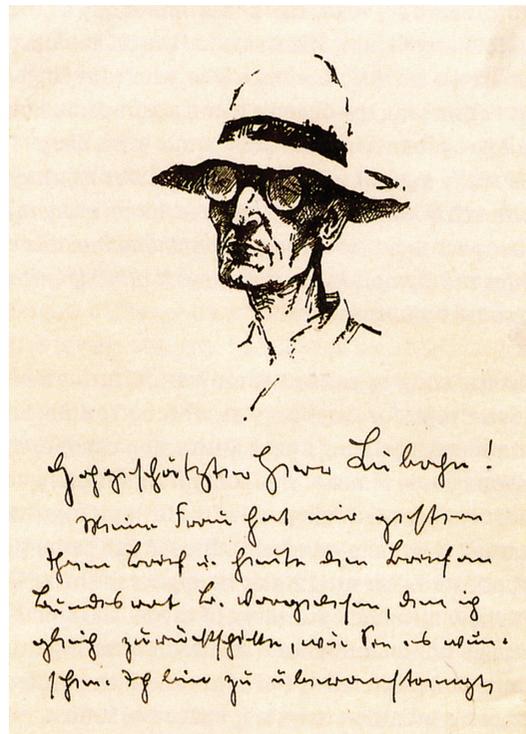
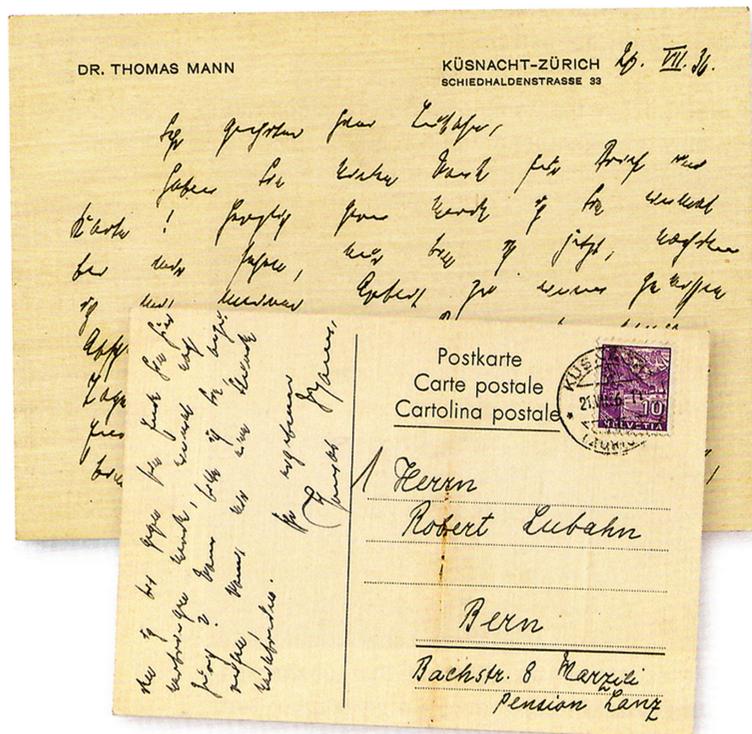
Copyright 1936 by Richard Strauss
Gesammelt von Herrn Dr. Richard Strauss, 16. 7. 36.

<p>Völker! seid des Volkes Gäste, Kommt durchs offene Tor herein! Ehre sei dem Völkerfeste! Friede soll der Kampfspruch sein Junge Kraft will Mut beweisen, Heißes Spiel Olympia! Deinen Glanz in Taten preisen, Reines Ziel: Olympia.</p>	<p>Vielor Länder Stolz und Bitte Kam zum Kampfesfest herbei; Alles Feuer, das da glühte, Schlägt zusammen hoch und frei. Kraft und Geist, nahst sich mit Opfergang Olympia! [Zagen. Wer darf deinen Lorbeer tragen, Ruhmesklang: Olympia?</p>
--	---

Wie nun alle Herzen schlagen
In erhabenem Verein,
Soll in Taten und in Sagen
Rechtsgewalt das Höchste sein.
Freudvoll sollen Meister siegen,
Siegesfest Olympia!
Freude sei noch im Erliegen,
Friedensfest Olympia.

15

Любопытный «прокол» произошел в «отлично» организованных Играх 1936 г.: в программе церемонии открытия была дана партитура первого куплета гимна, измененного Геббельсом, но ниже можно было прочитать оригинальные стихи Роберта Любана

После бегства из Германии в июле 1936 г. Роберт Любан рассчитывал на помощь Томаса Манна (1875–1955), который эмигрировал в Швейцарию. Они встречались несколько раз, но в конце концов даже обладатель Нобелевской премии по литературе не смог оказать ему помощь в получении постоянного места жительства

Справа: Любан также переписывался с Германом Гессе (1877–1962), который жил в Тичино (Швейцария) с 1919 г. Убежденному антифашисту Гессе, который получил Нобелевскую премию по литературе в 1946 г., удалось убедить швейцарские иммиграционные власти продлить Любану вид на жительство

Фото: Дойче литератур-архив Марбах

придал бы большее значение исполнительской стороне» [68].

В то время, когда спортсмены в его родном городе боролись за медали, завоевание которых сопровождалось шумным празднованием, Любан готовился эмигрировать. Из Берна он искал контакт с Томасом Манном, который с 1933 г. жил в Кюснахте, недалеко от Цюриха. Лишение Манна гражданства было только что принято в поезде немецким послом Эрнстом фон Вайцеккером, отцом последнего федерального президента, из-за письма, опубликованного в «Neue Zürcher Zeitung», когда лауреат Нобелевской премии по литературе «совершенно конкретно выступил против Третьего рейха и ответил на толерантность немецких властей унижительной критикой» [69]. В своем дневнике автор «Будденброков» писал: «Кстати, господин Роберт Любан, автор олимпийского гимна, сообщил мне о гротескной ситуации, сложившейся вокруг его произведения, которая вынудила его покинуть страну» [70].

О том, что Любан уже внутренне порвал с Германией, видно также из его связи с Ро-

меном Ролланом, чьи книги были сожжены в Германии в 1933 г. Француз, лауреат Нобелевской премии 1915 г. и почетный президент Всемирного комитета против войны и фашизма (WKKF), пожелал ему мужества: «Да, воюйте на благо мира и справедливости, так как без справедливости мир никогда не будет стабильным» [71].

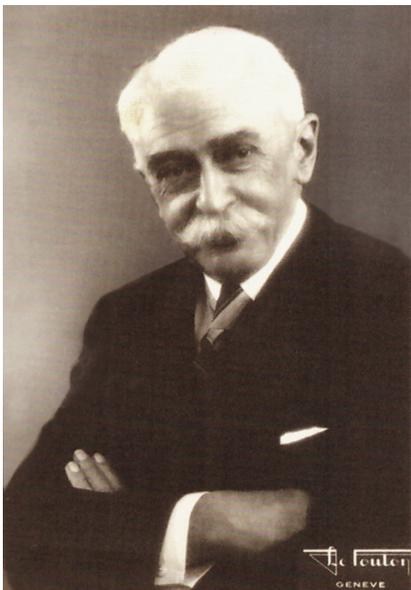
Кроме того, Любан обратился в МОК и предоставил оригинальную версию своего гимна [72]. За день до открытия Игр он также послал копии всей переписки в Лозанну. Они также были отправлены Андре Г. Бердэ в Берлин [73]. Хотя секретарь МОК, на которого «Hymne de Paix» произвел большое впечатление, не видел необходимости принимать какие-либо меры в данный момент [74].

Для Любана это был не просто вопрос о защите своих авторских прав. Он колебался в течение некоторого времени, прежде чем написать почетному президенту МОК Пьеру де Кубертену, чтобы узнать его мнение: «каково Ваше видение и восприятие развития духовного и художественного формирования вновь пробудившейся олимпийской

идеи?» На восьми страницах письма он сообщил Кубертену, как был изменен гимн и как, учитывая тот факт, что еврей-полукровка Левальду было разрешено сохранить свою президентскую должность только благодаря вмешательству МОК, он не решился вынести дело на суд общественности. «Я сам никогда не уполномочивал никого на такие искажения» [75]. Но ответ Кубертена мало чем помог. Кубертен написал, что он отстранен от работы в МОК после 31 года пребывания там и что передал это письмо президенту МОК графу де Байе-Латуру [76].

ПОСЛЕ КРУТОГО ПОДЪЕМА – НИКАКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Знал ли Берлин о деятельности Любана? Возможно, все были охвачены пьянящим экстазом олимпийского лета. Если бы было иначе, то контакты, такие, как с профессором Фридрихом Зигмунт-Шульце [77], который в 1933 г. основал Международный комитет помощи для немецких эмигрантов еврейского происхождения, из-за чего был изгнан гестапо в Швейцарию, могли легко привести

Ответ Кубертена Любану 17 августа 1936 г., в котором он пообещал встретиться с Андре Бердэ после его возвращения из Берлина. Кубертен не имел возможности предложить ему помощь

Фото: Дойче литератур-архив Марбах, архив Фолькера Клюге

Любана в концентрационный лагерь. Даже за рубежом Любан не чувствовал себя в безопасности. Тем не менее в конце 1936 г., когда он был выдворен иммиграционными властями, Зигмунд-Шульце дал ему возможность перевести дух.

Все попытки заработать деньги на поэтической стезе и устроить жизнь в Швейцарии не удалось. Правда, Герман Гессе, немецкий писатель, который жил в кантоне Тичино и был решительным противником войны, отмечал его «литературный талант», но даже такие аргументы, что Любан не был одним из тех «скоропелых, модных и плодовитых литературных деятелей», которые «часто не приветствуют конкуренцию среди отечественных авторов», не могли убедить никакую власть [78]. Даже Томас Манн, который снова встретился с Любаном и похвалил его стихи, признал, что ничем не может ему помочь [79].

Летом 1938 г. Любан вернулся в Германию. С сентября по декабрь он был вынужден работать в «организации Тодта» на строительстве линии обороны «Вестваль» («Западный вал») протяженностью 630 км вдоль границы с Нидерландами и Швейцарией. После этого он нашел работу в качестве помощника в налоговой инспекции в Берлине. Он объяснил, что двухлетнее отсутствие на родине — результат потери голоса.

12 Cha Belmont
Genève 17 Août 36

Monsieur

Je vous remercie de votre lettre mais je dois vous dire que j'ignore absolument tout de ce que vous m'écritez. Après l'avis fondé j'ai présidé peu de temps au Comité International. En 1929 je m'en suis retiré et mon collaborateur de vingt années le comte de Baillet-Latour m'a remplacé. Je suis dès lors devenu le Président d'honneur à vie des Jeux Olympiques et non pas du C.I.O. qui n'en compte pas. Je continue comme tel à m'intéresser à toutes les grandes questions olympiques mais non pas à celles qui relèvent du C.I.O. ou des Comités Nationaux (Il y en a, comme vous savez, un dans chaque pays)

Dès que M. le Berdèze sera de retour je m'informerais bien de lui de ce qui concerne le fâcheux incident dont vous m'avez entretenu.

Et je n'ai pas besoin de vous dire que je ferai

de mon mieux pour susciter si possible un arrangement vous donnant satisfaction

Recevez Monsieur, les assurances de mes meilleurs sentiments

Henri Kubert

Это заставило его как декламатора сделать передышку. Вся надежда получить творческую работу исчезла с началом Второй мировой войны. После окончания войны и возвращения из плена он был одним из молодых немецких авторов, которые делились своими переживаниями, особенно в журнале «Das Karussell» [80].

Любан пронесся на литературном небосводе как метеор, быстро угаснув, и — не в последнюю очередь — из-за интриг известного музыканта, который, возможно, даже не

знал об этом. Автору стихов гимна Штрауса в творческой карьере было отказано. Он написал несколько стихотворений, пьес, пьесу для радио и роман, о которых никто ничего не знает. Какое-то время он преподавал технику речи [81]. Умер Любан в 1974 г. в Штутгарте.

Организаторы Игр-1948 в Лондоне решили, что им не подходит для исполнения гимн, сочиненный композитором, который был тесно связан с национал-социалистами.

В мае 1954 г. МОК объявил конкурс на новый олимпийский гимн, для участия в котором поступило 387 заявок из 40 стран. Жюри, состоящее из двенадцати известных композиторов, среди которых был Пабло Казальс, решило 11 голосами против одного в пользу композиции поляка Михала Списака. Выигравший приз гимн с текстом по мотивам Олимпийских од Пиндара был исполнен впервые на гала-концерте в оперном театре Монте-Карло, а затем прозвучал в 1956 г. на Олимпийских играх. Но он не стал популярным. Кроме того, начались споры по авторским правам, которые оказалось невозможным решить, и вскоре гимн стал достоянием архивов
Фото: Архив ЦОИ/МОК

Гимн Роджера Квилтера на слова Редьярда Киплинга «Non Nobis, Domine» прозвучал

в исполнении хора. На сессии МОК в 1950 г. председатель Лондонского Оргкомитета лорд

Бэргли и член МОК для Австрии Маутнер фон Маркхоф высказались за аннулирование резолюции 1936 г. и за то, чтобы позволить организаторам будущих Игр использовать свои собственные композиции. Предложение было принято. В протоколе говорится: «МОК, таким образом, больше не располагает официальным олимпийским гимном» [82].

Еще в 1954 г. член МОК для Монако принц Пьер предложил награду в 1000 долларов для создания нового гимна, который выиграл поляк Михал Списак, проживавший в Париже. Но так как композиция, составленная в двенадцатитоновой технике, была трудна для исполнения, а композитор потребовал отчисления за каждое исполнение, МОК вскоре отказался от гимна.

Два года спустя оригинальный гимн Самараса был представлен в 1958 г. на сессии МОК в Токио и утвержден в качестве официального олимпийского гимна.

Литература

1. N.G. Politis / Charalambos Anninos, *The Olympic Games in 1896*, second part, Charles Beck, Athens; H. Grevel and Co., London, 1897, p. 60.
2. Minutes, 29th IOC Session, Barcelona 24th April 1931, p. 3, IOC Archives / Olympic Studies Centre.
3. The musical contest for an Olympic hymn, in: *Blätter für Volks-gesundheit und Volkskraft, Zeitungsdienst und Bekanntmachungen des Deutschen Reichsausschusses für Leibesübungen*, Berlin, Vol. 20, No. 5, p. ro.
4. In her dissertation *Zur Rolle der Musik bei den Eröffnungs- und Schlussfeiern der Olympischen Spiele von 1896 bis 1972*, Cologne 2001, Elizabeth Leckie Schlüssel suspected that the name Bradley Keeler was a pseudonym. Since then his existence has been verified. Walter Bradley Keeler was born on 13th February 1856 in South Salem, Westchester, N.Y. He studied in Stuttgart and during his stay in Germany met the composer Franz Liszt, who was so impressed by his talent that he gave him a rose. After Bradley-Keeler's death in Switzerland in November 1932 his widow presented the rose to the Yale School of Music. A scholarship was subsequently endowed in his memory
5. *XI Olympiad Berlin 1936*, Official Report, Vol. I, Wilhelm Limpert Verlag, Berlin (1937), p. 121.
6. *Official Program*, Xth Olympiad Los Angeles USA, Saturday, July 30, 1932, p. 20. The decisive verse runs: «Come, athletes, to our field, ... leap, In strength renewed to fear, The tyrant's hand no longer, And freedom's troth to keep.»
7. The translation which was found in the papers of Erich Mindt (1894-19«), former director of the Museum of Physical Education in Berlin, is now in the Deutsches Sport & Olympia Museum Cologne.
8. Leckie Schlüssel, p. 243. Her dissertation is also available as an E- Book.
9. Carl Diem, *Ausgewählte Schriften*, Vol. 3, Reiseberichte, Richardz, Sankt Augustin 1982, p. 94-
10. Minutes, 32nd IOC Session, Vienna 9th June 1933, p. 2. The counterproposal by IOC Vice-President Godefroy de Blonay, to recognise the Bradley Keeler Hymn as the only official one was rejected by 14 votes to 7.
11. Adolf Hitler, *Mein Kampf*, second part, Franz Eher Nachf., München 1927, p. 686.
12. *Official Report Berlin 1936*, p. 121.
13. *Uhr Blatt*, 25th January 1933-
14. After 88 German writers and poets in autumn 1933 had given a 'pledge of most faithful fealty' to Hitler, prominent literary figures like the Literary Nobel Prize winner Thomas Mann had withdrawn from the Academy in protest. Others, like the Jewish writers Franz Werfel and Leonard Frank, were excluded.
15. Böries von Münchhausen, *Das Weihelied der Elften Olympiade*, in: *Deutsche Allgemeine Zeitung*, 2nd October 1934».
16. Wilhelm von Scholz, „Siegfriedgesang“, in: *Die Gedichte, Gesamt- ausgabe*, Paul ListVerlag, Leipzig 1941*, p. 432-433. Alfred von Kessei was second, third prize went to Gustav Frenssen (1863-1945), who like Scholz and the doctor and poet Gottfried Benn (1886-1956) had also signed the 'pledge of loyalty' to Hitler. Although Benn's hymn did not receive an award, he published his 'Olympic Hymn' on 20th May 1934 in the *Deutsche Allgemeine Zeitung*.
17. *Deutsche Allgemeine Zeitung*, 2nd October 1934.
18. Böries, Freiherr von Münchhausen, *Das Weihelied der Elften Olympiade*, Privatdruck 1935, p. 10. Münchhausen had originally the intention of publishing the 50 best poems in a single volume, but no publishing house was interested. Thereupon he decided on a private publication limited to 300 copies, in which he described the history of the hymn's origins and did not hesitate to quote from the most bizarre (and partly absurd) entries, without revealing the authors.
19. „Olympic Hymn for 1936 selected«, in: *Olympia-Pressdienst*, 28th September 1934.
20. *Reichssportblatt*, Vol. 1, 7th October 1934, pp. 950-951, et al.
21. Deutsches Literaturarchiv (DLA) Marbach, Böries von Münchhausen to Walter Zickler, 17th October 1934.
22. DLA, Estate Robert Lubahn.
23. *Weihelied*, p. 14.
24. *Deutsche Allgemeine Zeitung*, 2nd October 1934; *Neuköllner Tage- blatt*, 7th October 1934.
25. DLA, Lewald to Lubahn, 11th October 1934.
26. Volker Kluge Archive, Strauss to the Marktgemeinderat Garmisch (copy), 1st February 1933.
27. Strauss an Zweig, 21st December 1934, in: Richard Strauss/Stefan Zweig, *Briefwechsel*, herausgegeben von Willi Schuh, S. Fischer Verlag, Frankfurt/Main 1957, p. 90.
28. Bundesarchiv (Barch) R 43 H/729, sheet 168, Strauss to Lewald, 20th December 1934.
29. DLA, Lewald to Lubahn, 25th October 1934.
30. *Weihelied*, p. 12.
31. DLA, Lubahn to Münchhausen, undated draft.
32. Ibid, Münchhausen to Lubahn, 1st October 1934.
33. Ibid, Lewald to Lubahn, 5th November 1934.
34. Carl und Liseiott Diem-Archiv (CuLDA), Cologne, undated MS by Carl Diem.
35. *Official Report Berlin 1936*, p. 122.
36. E-mail from Eve Wörner, Reutlingen, 23rd July 2011.
37. DLA, comparison 'original text' and 'falsified version', undated.
38. E-mail from Eve Wörner, 24th July 2011.
39. Ibid, draft of letter Lubahn to Lewald, May 1936. The original is no longerto be found.

40. Volker Kluge Archive, Lewald to Halt, 28th December 1934.
41. Ibid, Halt to Lewald, 10th January 1935.
42. Ibid, Lewald to Halt, 15th January 1935.
43. Barch, R 4311/729, sheet 206, 29th March 1935.
44. RSA, Lewald to Strauss, 1st April 1935.
45. DLA, Lubahn to Lewald, 20th June 1935. The identity of Dr. Streicher has not yet been established.
46. Ibid.
47. DLA, Estate of Robert Lubahn, undated agreement.
48. DLA, Lubahn to Lewald, 20th June 1935.
49. Ibid, Lewald to iubahn, 20th December 1935.
50. Adolph (originally Aron) Fürstner (1833-1908) was the great-uncle of Captain Wolfgang Fürstner, under whose direction the Olympic Village in Döberitz was erected in the years from 1934–1936. Fürstner, shot himself three days before the end of the Games for private reasons. He had been the deputy commandant of the village. After the Berlin Gau leadership of the NSDAP had tried in vain to have him relieved because of his 'non-Aryan' relatives. Cf. Roland Kopp, Wolfgang Fürstner (1896-1936), *Der erste Kommandant des Olympischen Dorfes von 1936*, Peter Lang, Frankfurt/Main 2009.
51. *Official Report*, p. 122.
52. RSA, Lewald an Strauss, 1st April 1935.
53. Volker Kluge Archive, *Olympic Hymn*, text by Robert Lubahn, Music by Richard Strauss, Verlag Adolph Fürstner, Berlin W (for the German Reich), Fürstner Ltd., London Wi (for the other countries). There are no figures for the number of copies sold.
54. DLA, Lewald to Lubahn, 24th January 1936.
55. Ibid, Lubahn to Lewald, 7th January 1936.
56. Strauss to Zweig, 17th June 1935, in: Gerhard Splitt, *Die Musik-forschung*, Vol. 58, No. 4/2005, pp. 406-414.
57. Alice Strauss (1904-1991), lived in what the Nazis described as a 'privileged mixed-marriage' with Strauss's son Franz (1897-1980). She was the daughter of the Jewish-Austrian industrialist Emanuel Grab (1868-1929), whom Kaiser Franz Josef in 1915 had raised to the hereditary nobility. When the Republic of Austria abolished aristocracy after the First World War, the family adopted the name 'Grab-Hermannsworth'.
58. Carl Diem, *Tagebücher*, Vol. 9, 8th November 1935-20th September 1936, pp. 58, Carl-Jürgen Diem Archive. According to Diem's description in *Ein Leben für den Sport*, A. Henn Verlag, Ratingen, n. d. (1974), p. 183, had issued an invitation to his villa a week earlier and sung the hymn himself: «I have seldom heard such a fragile old man's voice. He felt that himself, invited us again after a week and had by then ensured the help of the singer Patzak, and now the hymn sounded splendid».
59. Elke Fröhlich (Ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, Vol. 2, K. G. Saur, München 1987, p. 630.
60. Barch, R 43 11/730 sheet 24, Lewald to Lammers, 21st April 1936. Lewald had informed the Chief of the Reich Chancellery that Strauss «laid great emphasis on conducting his composition himself».
61. Carl Diem, *Das Olympiade-Buch*, Philipp Reclam, Leipzig, 1936, p. 10. This was not the only factual error made by Diem. In *Ein Leben für den Sport*, p. 182, he gave Lubahn the first name Erwin.
62. Heinrich Friedrich Albert (1874-1960) represented the Imperial Empire until the First World War as Trade Attache in New York. In the Weimar Republic he was part of the Cuno Cabinet as First State Secretary of the Reich Chancellery. He was a lawyer but many in the NS regime harboured reservations about him. These disappeared when he proved himself an indispensable helper with the 'Germanisation' of the Ford Motor Company AG (FMCAG). He split it off from 1937 into the armaments industry as chairman of the board of directors. Cf. Johannes Reiling, *DEUTSCHLAND: Safe for Democracy?*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart 1997.
63. DLA, Albert to Lubahn, 1st July 1936, 11th July 1936, 16th July 1936.
64. Ibid, Lubahn to Albert, 20th July 1936.
65. Ibid, Miinchhausen to Lubahn, 6th August 1936.
66. Organisations-Komitee der XI. Olympiade, *Tagesprogramm*, 1. August 1936, p. 15.
67. Minutes 36th IOC Session, Berlin 31st July 1936, p. 10, IOC/OSC.
68. Albrecht Dümmling, *Zwischen Autonomie und Fremdbestimmung. Die Olympische Hymne von Robert Lubahn und Richard Strauss*, in: *Richard Strauss-Blätter*, Internationale Richard Strauss-Gesellschaft (Ed.), Hans Schneider, Wien, December 1997, No. 38, pp. 68-102.
69. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Ernst von Weizsacker to the Foreign Office, Berne, 6th May 1936.
70. Thomas Mann, *Tagebücher 1935-1936*, S. Fischer Verlag, Frankfurt/ Main 1978, p. 355-
71. DLA, Rolland to Lubahn, 18th December 1936.
72. Ibid, Lubahn to IOC, 25th July 1936.
73. Ibid, 3rd July 1936.
74. Ibid, Berdez to Lubahn, 11th August 1936.
75. Ibid, Lubahn to Coubertin, August 1936. The exact date could not be found as only the German draft exists.
76. Ibid, Coubertin to Lubahn, 17th August 1936.
77. Friedrich Siegmund-Schultze (1885-1969), a Lutheran theologian, was in 1914 the co-founder and Secretary of the World Federation - A Communion of Churches. During the First World War, together with the peace activist Elisabeth Rotten he organised the 'Quäkerspeisung' [Children power] for Berlin school pupils.
78. DLA, Hermann Hesse, attestation for the Swiss immigration authorities, Montagnola, 20th August 1937.
79. Ibid, Mann to Lubahn, 21st May 1937, 20th August 1937.
80. Robert Lubahn, *Herbstes Aufbruch*, in: *Das Karussell*, Vol. 1, order 4. The ambitious literary monthly appeared from 1946 to 1948, published by the Harriet-Schleber-Verlag in Kassel.
81. In the estate preserved in the DLA are inter alia the novel *Die Generation*, the play *Der wahre Zauberschlüssel* [The true magic key] and the radio play *Gespinnste* [Spooky stories]. Among the publications is also the nature study book *verein wegen Vicher*, Thienemanns Verlag, Stuttgart 1948.
82. Minutes, 45th IOC Session, Copenhagen 1950, p. 22, IOC/OSC.